

АЛЕКСЕЙ ГАГИНСКИЙ*

КАК СЕРДЦУ ВЫСКАЗАТЬ СЕБЯ? **

О ГРАНИЦАХ ЯЗЫКА МЫШЛЕНИЯ

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-123-131.

Прежде всего я хочу поблагодарить Юлию Горбатову за возможность поучаствовать в дискуссии о столь интересном вопросе. Впрочем, я собираюсь не столько дискутировать, сколько поразмышлять на заданную тему. Этому способствует и сам текст обсуждаемой статьи, автор которой приглашает не анализировать чужие подходы, но мыслить самостоятельно, вести беседу не потому, что так принято в академическом сообществе, а потому что мы можем подниматься до уровня мышления, которое побуждается лишь собственным интересом. Именно это отличает настоящую философию от философования, мыслителя от интерпретаторов. И я рад возможности внести свою лепту в данное предприятие.

Юлия затрагивает целый ряд пересекающихся и довольно сложных вопросов, связанных с онтологией, эпистемологией, антропологией и психологией. Разумеется, в границах небольшой статьи исчерпать эти вопросы не представляется возможным, поэтому мои рассуждения, по всей видимости, будут грешить некоторой недосказанностью. Однако то, что я хочу сказать, может быть сказано кратко.

С моей точки зрения, нужно обратить внимание на следующее обстоятельство: если мы понимаем мышление как набор когнитивных функций, то упускаем из виду его некогнитивную составляющую. В частности, если «мышление — это, скорее, набор когнитивных функций (понимаемый максимально широко), нежели только лишь принципиальная возможность оформлять представления с помощью языковых конструкций», то даже при уточнении «максимально широко» мы остаемся в рамках когнитивного, т. е. познавательного подхода. Однако мышление не сводится к только лишь когнитивным функциям, оно включает в себя

*Гагинский Алексей Михайлович, научный сотрудник сектора философии религии Института философии РАН (Москва), algaginsky@gmail.com.

**© Гагинский, А. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

и некогнитивную составляющую, к которой можно отнести волю, аффекты, побуждения, — короче говоря, широкий спектр эмоциональных явлений.

Конечно, познание (*cognitio*) является важнейшей функцией мышления, но последнее все-таки не исчерпывается первым. Сначала может показаться, что эмоциональная сфера не связана с мышлением напрямую, но так происходит лишь в силу «когнитивной ошибки», весьма распространенной в гуманитарных исследованиях, согласно которой мышление или вообще сознание редуцируется к познанию, знанию, т. е. к когнитивному¹. Однако мышление, судя по всему, охватывает более широкую область, чем принято обычно считать. В частности, сравнительно недавно в психологии появилось понятие *эмоционального интеллекта* (*emotional intelligence* (Андреева, 2011)). Схожее понятие можно найти и в философии: например, «чувствующий интеллект» Х. Сублири (Сублири, Вдовина, 2006–2008), указывающий на то, что мышление в значительной степени направляется и обуславливается чувствами, эмоциями. Как пишет известный психолог Б. М. Величковский, эмпирические данные не подтверждают гипотезу автономности когнитивного и эмоционального, «свидетельствуя, по меньшей мере, о массивном взаимодействии „аффекта и интеллекта“» (Величковский, 2006: 357). Иначе говоря, мышление не изолированный процесс, не холодный расчет, не «действия в соответствии с некоторыми ожиданиями»; мышление явным или неявным образом включает в себя и такие элементы, которые прежде ему противопоставлялись. Более того, «чем выше уровень когнитивной организации, тем сложнее в общем случае разделить эмоции, чувства и интересы, с одной стороны, и процессы восприятия и мышления, с другой» (там же: 365). Поэтому можно говорить не только об интеллектуальной культуре, но и о культуре эмоциональной², причем обе эти сферы сходятся вместе в том, что называется мышлением. Соответственно, более широкое понимание мышления влияет и на то, как следует осмысливать его отношение к языку.

Начну издалека. Представления о единстве мышления и ощущения были распространены в дофилософскую эпоху, однако благодаря Платону

¹Подробнее о противопоставлении когнитивное/некогнитивное и о «когнитивистской ошибке» см. Максимов, 2003: 5 и слл.

²Ср. традиционные «романы воспитания» XIX в. Этот предмет можно рассматривать не только с точки зрения художественной литературы, но и, например, с позиции психологии и философии.

и Аристотелю эти аспекты психической деятельности стали противопоставляться. Согласно Аристотелю, некоторые философы полагали, «что мышление и разумение есть некое ощущение (ведь в том и другом душа что-то различает и познает сущее). И древние говорят, что разуметь и ощущать — одно и то же (τὸ φρονεῖν καὶ τὸ αἰσθάνεσθαι αὐτόν)» (Ar. De An. 427a17–28). И хотя представления древних зачастую кажутся наивными, может статься, что в данном случае они были не столь уж далеки от истины. По всей видимости, решающую роль здесь сыграла теория идей Платона, который говорил о том, что чувственное и умопостигаемое необходимо четко разграничивать, ибо первое обеспечивает нас мнением, тогда как второе — знанием, более того, первое зачастую ошибочно, а второе — истинно. Как следствие, мышление и ощущение стали восприниматься как две автономные сферы, в соответствии с чем понималось и устройство человека, состоящего из души и тела.

Этот универсальный дуализм, который относится к антропологии не в меньшей степени, чем к эпистемологии и онтологии, предопределил понимание языка, главная функция которого в теории идей заключалась в фиксации какого-либо эйдоса, в обозначении сущности. С точки зрения Платона, мышление (τὸ διανοεῖσθαι) порождает в нас определенные мнения, которые суть словесные выражения (λόγον εἰρημένον), только без участия голоса (Pl. Theaet. 189e–190a), т. е. мышление — это внутренняя речь. Имя — это единица языка, оно выражает сущность предмета, поскольку идея есть сущность, которая выражается именем. Вещь есть образ идеи, постигаемой умом, а референция обеспечивается тождеством бытия и мышления, о котором говорил еще Парменид. Иначе говоря, нет разрыва между именованием и сущностью предмета, потому что смысл и значение (по Фреге) в платонизме совпадают.

Все это наложило отпечаток на то, как осмыслялось отношение языка и мышления. Поскольку мышление связано с познанием, т. е. с когнитивным, функция языка стала восприниматься как некая фиксация, или обозначение познаваемого. Иначе говоря, основной и едва ли не единственной функцией языка считалось обозначение. Во всяком случае, философия языка долгое время работала именно с таким пониманием своего предмета. Правда, сравнительно недавно выяснилось, что в этом и заключается ее главный изъян (Никифоров, 2012: 39–53). Точнее говоря, проблема состоит в том, что язык не только обозначает предметы или идеи; его важнейшей функцией является коммуникация. А поскольку последняя есть область взаимодействия между человеком и миром, другими людьми, животными и т. д., постольку она включает

и эмоциональную сферу, т. е. язык служит в том числе и средством выражения эмоций и отношений. Стало быть, язык не ограничивается сферой когнитивного, равно как и мышление.

Как отмечают исследователи,

слова сами по себе не могут участвовать в коммуникации — чтобы быть элементом коммуникации, слово должно не просто что-то *означать*, оно должно что-то *сообщать* другому. Поэтому первыми единицами коммуникации были, видимо, однословные предложения, доступные ныне и полноценным носителям языка, и афатикам, и говорящим на пиджине, и маленьким детям (Бурлак, 2011: 326).

Обозначать и сообщать — таковы основные задачи языка:

Например, вопль ужаса у человека и у многих других животных является просто неотделимой частью общей ситуации страха, но ничего специально не обозначает (хотя, конечно же, может, как и любое другое явление окружающего мира, быть интерпретирован наблюдателем) (там же: 24).

Таким образом, функция языка не сводится к обозначению: он призван доносить информацию, сообщения, — иначе говоря, быть средством коммуникации. Казалось бы, замечание достаточно тривиальное, однако в философии языка это сравнительно новое открытие.

После этих предварительных замечаний можно вернуться к обсуждаемому тексту, в котором привлекает внимание ряд следующих утверждений: мысль — это интеллектуальное усилие, с помощью которого человек соприкасается с истиной; усилие, с помощью которого в просвете бытия приоткрывается истина, которую, однако, невозможно выразить словами, просто застаешь себя на границе: стоишь в этом просвете, где жуткое и прекрасное сливаются в одно сияющее *понимание...* и ощущение счастья, и *знание*, что так можно, и что это и есть истина.

Мне кажется, что описанное состояние нельзя выразить словами в том смысле, что оно не может быть *обозначено* как что-то конкретное, не получается подобрать денотат (приходится использовать метафору — «просвет бытия»), однако о нем можно *сообщить*, например, написав статью для панельной дискуссии. Читатель, обладая определенным уровнем эмпатии, может в какой-то степени понять и как-то интерпретировать данное описание, может попытаться соотнести его с собственным опытом, если таковой у него имеется. Например, многие люди описывали «океаническое чувство», когда человек ощущает себя в океане бытия и чувствует свое единство с ним (Петров, 2015). Тем не менее, всякая

дескрипция остается *пустыми словами*, т. е. естественного языка хватает лишь для описания приоткрывшейся истины, но не для того, чтобы передать эмоцию, чувство, которое пережил тот, кто встал в «просвете бытия». Иначе говоря, можно попытаться что-то *обозначить*, описав этот опыт, но «никакого профита» от этого не будет, потому что это лишь информация, которая не дает *опыта* описываемого явления: «нет никакой возможности описать переживание полной ясности и цельности». Одно дело говорить о любви или счастье, и совсем другое — любить или быть счастливым, *переживать* эти состояния. Как говорил Плотин: «кто видел — знает, о чем я говорю»³.

Таким образом, если не полагать жесткой границы между мышлением и ощущением, если не сводить мышление лишь к когнитивному, но допустить эмоциональный и коммуникативный аспекты этого процесса, то описание и обозначение могут направить, сместить фокус интенциональности, вследствие чего в горизонт восприятия могут попасть такие феномены, которые прежде ускользали от внимания. Переживание бессловесно, но возможно *сопереживание*, возможна невербальная коммуникация, когда человек стремится поделиться своим опытом с ближним. Вероятно, не всегда такой способ передачи знания является успешным, но при вербальном уточнении, как мне кажется, другой человек может если и не встать в просвете бытия, то по крайней мере как-то *предчувствовать* такой опыт, узнать его, когда с ним произойдет что-то подобное.

Стало быть, речь идет о некоем *переживании*, которое характеризуется как бессловесное. Но в то же время оно не может быть полностью таковым: «область чистой истины безъязыка и в то же время — недостижима без языка». Действительно, как уже отмечалось, чем выше уровень когнитивной организации, тем сложнее разделить эмоции, чувства и процессы восприятия, мышления. С одной стороны, чувства воспитываются, культивируются с помощью языка, они познаются человеком в самом себе («познай себя»). С другой, чувства влияют на язык, дают повод задуматься и выразить свой экзистенциальный опыт. Иначе говоря, язык формирует чувства, чувства формируют язык. Границы языка открываются для мира, мир открывается для языка, когда человек не чувствует себя атомом, но ощущает свою принадлежность чему-то большему, частью чего он является. Поэтому границы моего языка есть границы моего мира, но если я — часть этого мира, то у меня

³...εἰ τις οὖν εἶδεν αὐτό, οἶδεν ὁ λέγων (Plot. Enn. I, 6.7.2).

есть пространство для расширения этих границ, поскольку границы мира шире, чем границы моего «я». Мир может влиять на меня, расширяя границы моего языка, обогащая меня мысле-чувствами.

Если мыслью можно чувствовать, то стояние «в просвете бытия» будет означать, что на какой-то момент мир приоткрылся, граница между нами исчезла и «я» ощутило себя в ином. По-видимому, в этот момент нет зазора между чувством и разумом, человек становится цельным, единым с самим собой и с миром. Я бы назвал это состоянием *целомудрия*, но не в банальном смысле слова, а держась корней, когда человек обретает некую целостность, некий новый опыт, умудряющий его. Иначе это можно назвать моментом, когда сущность и существование совпадают — это и есть стояние в просвете бытия. Однако этот опыт, как и внезапный крик неподалеку, может по-разному интерпретироваться наблюдателем. В данном случае Юлия обращает внимание на весьма интересную деталь: «Я вижу еще одно необходимое, но тоже недостаточное условие для наступления состояния мысли — это осознание своей конечности, знание о собственной смерти». Но что такое смерть? На самом деле, это еще одна из вещей, которые лишь кажутся самоочевидными.

Дело в том, что понимание смерти как «осознания своей конечности» — весьма специфическое культурное явление. М. Элиаде отмечает:

Боль перед Небытием и Смертью, похоже, является специфичным для современности явлением. Во всех остальных неевропейских культурах, то есть в других религиях, Смерть никогда не представляется как абсолютный конец или как Небытие: она считается, скорее, обрядом перехода к другой форме существования. [...] Но в современном мире Смерть лишается своего религиозного значения. Вот почему она приравнивается к Небытию. А перед Небытием современный человек бессилён. [...] Ни у примитивных народов, ни в более высокоразвитых неевропейских цивилизациях мы не находим идеи Небытия, взаимозаменяемой с идеей Смерти (Элиаде, Хомик, 1996: 273–274, 276).

Поэтому здесь нужно сделать несколько замечаний. Я склонен полагать, что опыт стояния в просвете бытия является достаточно универсальным, люди разных культур испытывали что-то подобное, однако, согласно М. Элиаде, традиционные культуры не связывали смерть с осознанием собственной конечности. Поэтому напрашивается вывод, что «опыт стояния в просвете бытия» не зависит от «бытия к смерти». Тем не менее, поскольку осознание смерти как собственной конечности мне

знакомо, или пережито, я полагаю, что оно все же имеет отношение к тому опыту, о котором здесь идет речь.

Осознание смерти, осмысляемой определенным образом, влияет на то, как интерпретируется тот или иной опыт; данное осознание может способствовать появлению какого-то опыта, также как вера в жизнь вечную способна рождать иного рода психологические и эмоциональные переживания. Короче говоря, есть разные выходы в просвет бытия, разные аспекты этого опыта, который, с одной стороны, является бессловесным, потому что это именно чувство, переживание, эмоция, однако, с другой, такой опыт невозможен без языка, ибо он открывается с помощью языка, благодаря языку он становится осознанным.

В заключение мне хотелось бы сказать, что функцию языка можно понять следующим образом: его задача заключается не только в том, чтобы обозначать и сообщать, но и в том, чтобы фиксировать и творить. Мы описываем мир с помощью языка, но вместе с тем мы до определенной степени и творим его. В этом смысле можно сказать, что реальность в какой-то мере пластична, она представляет собой не только совокупность фактов, но и тот элемент, который мы привносим своим творчеством. Не знаю, насколько ясно мне удалось выразить то, о чем я хотел сказать, но недосказанность всегда оставляет простор для интерпретации — и в данном случае это даже неплохо.

СОКРАЩЕНИЯ

- Ar. De An. *Aristoteles. De anima* / ed. by W.D. Ross. — Oxford : Oxford University Press, 1991.
- Pl. Theaet. *Plato. Theaetetus. Sophist. Theaetetus* / trans. from the Ancient Greek by H.N. Fowler. — Harvard : Harvard University Press, 1921. — (Loeb Classical Library ; 123).
- Plot. Enn. *Plotinus. Plotini opera. Enneadae* / ed. by P. Henry, H.-R. Schwyzer. — Leiden : Brill, 1959–1973.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. — Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2011.
- Бурлак С. Происхождение языка : факты, исследования, гипотезы. — М. : Астрель, Согрус, 2011.
- Велчиковский Б. М. Когнитивная наука : основы психологии познания. В 2 т. Т. 2. — М. : Академия, 2006.

- Максимов Л. В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. — М. : РОССПЭН, 2003.
- Никифоров А. Л. Структура и смысл жизненного мира человека. — М. : Альфа-М, 2012.
- Петров В. В. Ареопагитский корпус как интертекстуальный проект // Философский журнал. — 2015. — Т. 8, № 2. — С. 56–75.
- Субири Х. Чувствующий интеллект : в 3 т. / пер. с исп. Г. В. Вдовиной. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006–2008.
- Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / под ред. С. Л. Удовик ; пер. с англ. А. П. Хомик. — М. : REFL-Book, Ваклер, 1996.

Gaginskiy, A. M. 2018. "Kak serdtsu vyskazat' sebya? [How Does One's Heart Express Itself?]: o granitsakh yazyka myshleniya [On the Limits of the Language of Thought]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (4), 123–131.

ALEKSEY GAGINSKIY

RESEARCHER AT THE PHILOSOPHY OF RELIGION DEPARTMENT, INSTITUTE OF PHILOSOPHY,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW

HOW DOES ONE'S HEART EXPRESS ITSELF?

ON THE LIMITS OF THE LANGUAGE OF THOUGHT

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-123-131.

REFERENCES

- Andreyeva, I. N. 2011. *Emotsional'nyy intellekt kak fenomen sovremennoy psikhologii [Emotional Intelligence as a Phenomenon of Modern Psychology]* [in Russian]. Novopolotsk: Polotskiy gosudarstvennyy universitet.
- Aristoteles. 1991. *De anima* [in Ancient Greek]. Ed. by W. D. Ross. Oxford: Oxford University Press.
- Burlak, S. 2011. *Proiskhozhdeniye yazyka [The Origin of Language]: fakty, issledovaniya, gipotezy [Facts, Research, Hypotheses]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Astrel' / Corpus.
- Eliade, M. [Éliade, M.] 1996. *Mify, snovideniya, misterii [Myths, Dreams and Mysteries]* [in Russian]. Ed. by S. L. Uдовик. Trans. from the English by A. P. Khomik. Moskva [Moscow]: REFL-Book / Vakler.
- Maksimov, L. V. 2003. *Kognitivizm kak paradigma gumanitarno-filosofskoy mysli [Cognitivism as a Paradigm in the Humanitarian and Philosophical Thought]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- Nikiforov, A. L. 2012. *Struktura i smysl zhiznennogo mira cheloveka [The Structure and Meaning of a Lifeworld]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Al'fa-M.
- Petrov, V. V. 2015. "Areopagit-skiy korpus kak intertekstual'nyy proyekt [Corpus Areopagiticum as an Intertextual Project]" [in Russian]. *Filosofskiy zhurnal [Philosophy Journal]* 8 (2): 56–75.

- Plato. 1921. *Theaetetus* [in Ancient Greek and English]. In *Theaetetus. Sophist*, trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler. Loeb Classical Library 123. Harvard: Harvard University Press.
- Plotinus. 1959–1973. *Enneadae* [in Ancient Greek]. In *Plotini opera*, ed. by P. Henry and H.-R. Schwyzer. Leiden: Brill.
- Subiri, Kh. [Zubiri, X.] 2006–2008. *Chuvstvuyushchiy intellekt [Inteligencia Sentiente]* [in Russian]. Trans. from the Spanish by G. V. Vdovina. 3 vols. Mosk-va [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- Velichkovskiy, B. M. 2006. [in Russian]. Vol. 2 of *Kognitivnaya nauka [Cognitive Science] : osnovy psikhologii poznaniya [Fundamentals of the Cognitive Psychology]*. 2 vols. Mosk-va [Moscow]: Akademiya.